

Кочеров С.Н., Нижний Новгород
д-р философских наук,
профессор департамента социальных наук,
НИУ «Высшая школа экономики»

**Русская идея в понимании Ф.М. Достоевского и С.Н. Булгакова:
религиозно-социальная утопия или проект «симфонии культур»?**

Аннотация: В докладе сравниваются взгляды на русскую идею Достоевского и Булгакова. Делается вывод, что оба мыслителя исходили не из философского понимания истории России, но из историософского осмысления ее пути. Обосновывается, почему русская идея может сыграть положительную роль в предотвращении столкновения цивилизаций.

Ключевые слова: национальная идентичность, миссия России, соборность, спасение

S.N. Kocherov, Nizhny Novgorod
Dr. Philosophy Sciences, Department of Social Sciences,
National Research University «Higher School of Economics»

The Russian idea in the understanding of F. M. Dostoevsky and S. N. Bulgakov: a religious and social utopia or a "symphony of cultures" project?

Annotation: The report compares the views on the Russian idea of Dostoevsky and Bulgakov. It is concluded that both thinkers did not proceed from a philosophical understanding of the history of Russia, but from a historiosophical understanding of its path. The author substantiates why the Russian idea can play a positive role in preventing a clash of civilizations.

Keywords: national identity, the mission of Russia, sobornost, salvation

Периодическое обострение интереса к русской идее, вопреки уверениям критиков, не является чем-то исключительным или патологическим. Во многих современных обществах ведутся споры об исторической судьбе и культурной миссии своей нации, которые по своему накалу ничуть не уступают, а порой даже превосходят дискуссии на данные темы в нашей стране. Так происходит всюду, где возникает кризис национальной идентичности, который бывает как в самых неустроенных, так и в самых благополучных нациях [11, с. 35-43]. В таких случаях закономерно обращение к наследию мыслителей прошлого, в ответах которых на вопросы «кто мы? что у нас общего? к чему и зачем мы идем?» мы надеемся найти истины и ценности, способные объединить нас сегодня. Поэтому не требует доказательств актуальности анализ понимания русской идеи у великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского и выдающегося русского философа Сергея (Сергия) Николаевича Булгакова.

Как известно, именно Ф.М. Достоевский (1821-1881) первым ввел понятие русской национальной идеи. В 1860 г. он пишет: «Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» [6, с. 37]. Достоевский тогда не разъяснял, для чего нужен этот *синтез*, что определит его содержание, и как идеи европейских народов примирятся в русской идее. Ему было важно показать, что русская идея рождается из развития национального сознания, которое, по его мнению, должно соединить дух петровской реформы с началами народной жизни.

Ф.М. Достоевский возвращается к этой теме во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Перед войной он утверждал: «...Национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое объединение» [7, с. 20]. Писатель уже видел призвание России в том, «чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом...» [8, с. 81]. Именно Россия, согласно ему, должна стать главной силой как в осуществлении общеславянской идеи, так и в решении «Восточного вопроса», тесно связанного с судьбами православия, с которыми слито ее назначение.

Исходя из ведущей роли России в снятии «Восточного вопроса», Достоевский даже заявлял, что она имеет право на безраздельное владение Константинополем, о чем спорил с Н.Я. Данилевским, который считал, что Царьград должен стать городом всех славян. «Как может Россия, – вопрошал писатель, – участвовать во владении Константинополем на равных основаниях со славянами, если Россия им неравна во всех отношениях – и каждому народцу порознь, и всем им вместе взятым?» [8, с. 83]. Он обосновывал претензии России на обладание «вторым Римом» тем, что «выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству» [8, с. 81-82]. Понимание России как лидера славянского мира оправдывало в глазах писателя ее действия, которые могут потребовать и принесения ей в жертву интересов славянских народов.

Великая миссия России – служение ее высшей идее, – по Достоевскому, позволит избавить Европу от порожденной ею самой угрозы. «...Социализм, – пишет он, – имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе... Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество» [8, с. 85]. Сходные взгляды

писатель развивает в своих романах 1870-х гг., где их высказывают князь Мышкин («Идиот», часть 4, гл. VII) и Шатов («Бесы», часть 2, гл. I).

Итогом размышлений Ф.М. Достоевского о русской идее и призвании России стала знаменитая «Пушкинская речь», произнесенная 8 июня 1880 года. Воздавая должное гению великого поэта, он выше всего ставит полное выражение в его творчестве двух глубинных стремлений русского народа – к всемирности и всечеловечности. По сути, Достоевский на новом уровне возвращается к пониманию русской идеи, выраженному им в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г. и получившему затем художественное развитие во «сне Версилова» («Подросток», часть 3, гл. VII). «О, все это славянофильство и западничество наше, – заявляет он, – есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [9, с. 147].

В заключение писатель передал свое видение того, что нужно, чтобы стать «настоящим русским». Для него это значит стремиться внести финальное примирение в европейские противоречия, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с любовью всех европейских братьев, и, в конце концов, изречь окончательное слово великой, общей гармонии на основе братского согласия всех племен жить по закону евангельского Христа [9, с. 148]. Таким образом, русская идея, в понимании Достоевского, есть идея общеевропейского, и, в конечном счете, всемирного объединения народов на основе истинной религии, которую писатель видел в русском православии, сохранившем в чистоте учение Христа.

С.Н. Булгаков (1871-1944) не посвятил русской идее отдельной работы, однако внес ценный вклад в разработку некоторых ее аспектов. Первоначально он связывал будущее России с тем судьбоносным выбором, который сделает образованное и культурное меньшинство ее населения. «Душа интеллигенции, – пишет он, – этого создания Петрова, есть вместе с тем ключ и к грядущим судьбам русской государственности и общественности» [1, с. 304]. Двумя главными признаками русской интеллигенции Булгаков считал неосознаваемую ей самой религиозность и открыто проявляемую антибуржуазность. Вследствие их соединения, полагал мыслитель, «известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божиим, о грядущем царстве правды (под различными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества – если не от греха, то от страданий – составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции» [1, с. 307].

В то же время Булгаков подчеркивал, что «национальная идея опирается не только на этнографические и исторические основания, но прежде всего на религиозно-культурные, она основывается на религиозно-культурном мессианизме, в который с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство» [1, с. 335]. Пренебрежение к правильному пониманию «идеи народности» проистекает, по его мнению, из присущих интеллигенции

космополитизма и безрелигиозности и создает глубочайшую пропасть между ней и народом, духовный уклад которого определяется христианской верой. Вместе с тем Булгаков признает, что «в исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева» [1, с. 338]. Поэтому интеллигентское просвещение, в основе которого нет любви к Христу, может стать «антихристовым началом», пробуждающим в народе стихийные, разрушительные силы, с которыми веками боролось российское государство.

В работе «Размышления о национальности» Булгаков описал эволюцию национального сознания, которое он сравнил с ростом личного самосознания. По его мнению, «национальный мессианизм, помимо всякого определенного содержания, в него вливаемого, есть прежде всего чисто формальная категория, в которую неизбежно отливается национальное самосознание, любовь к своему народу и вера в него» [2, с. 442-443]. В своем развитии нация вырабатывает идеал, становящийся нормой для ее оценки действительности, и представление об ее высшей миссии, выражение которой она находит в трудах своих героев и святых. Не принимая ни «рационалистический космополитизм» российской интеллигенции, ни «воинствующий национализм» правящих кругов, Булгаков полагал, что история указывает России путь подъема культурного патриотизма и ослабления политического национализма. «Национализмом, – пишет он, – у нас убивается патриотизм и косвенно поддерживается космополитизм, а в этом последнем, в свою очередь, находит свою духовную опору воинствующий национализм. Получается порочный круг» [2, с. 456].

Позже, в сборнике трудов «Свет невечерний», Булгаков представил свой взгляд на входящее в русскую идею понятие соборности. Для него как христианского мыслителя неприемлем любой индивидуализм, тем более в его религиозном проявлении. «Религиозная истина универсальна, – заявляет он. – ...Соборное провозглашение истин веры вытекает из единения в целокупной и целокупящей истине: здесь решает не большинство голосов (даже если внешне оно и применяется как средство обнаружения мнений), но некоторое жизненное единение в истине, вдохновение ею, приобщение ей» [3, с. 52-53]. Философ стремился сблизить учения Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова, связав между собой соборность, всеединство и общее дело.

Находясь уже в вынужденной эмиграции, С.Н. Булгаков, сам прошедший в молодости через искушение веры в «русского Христа», приходит к выводу, что «идея избранного народа имеет только христологический смысл, в связи с боговоплощением» и что «для нас, русских, православная культура предстает как наш русский творческий вклад во вселенское дело» [4, с. 652,653]. В своей поздней работе «Православие» он подводит итог многолетним размышлениям о призвании России и указывает цель, которая, на его взгляд, может стать альтернативой марксистской эсхатологии. «...Мы чаем, – пишет Булгаков, – пробуждение нового пророческого духа в христианстве, его начатки уже видим в русском православии XIX века и на его дальнейшее возгревание уповаем в послебольшевистской России. Речь идет о большем, даже неизмеримо большем, нежели "христианский социализм" в разных его видах,

как он существует во всех странах. Речь идет о новом лике христианства общественного, о новом образе церковности» [5, с. 365]. Таким образом, этот мыслитель видел историческую миссию России сквозь призму ее религиозного призвания как хранительницы православия.

Сравнивая представления о русской идее Достоевского и Булгакова, нельзя не заметить их близости, что проявляется во вложении в русскую идею таких смыслов, как «призвание», «национальное задание», «общечеловеческое объединение», и выделении в качестве ее атрибутов правды, соборности (всеединства), спасения. Достоевский первым охарактеризовал русскую идею как понятие, Булгаков попытался дать ее обобщение на основе синтеза взглядов своих предшественников. Их понимание русской идеи сохраняет актуальность для нашего времени. Но, признавая заслуги этих мыслителей в постановке и решении данной проблемы, следует заметить, что они оказались более правы в своих вопросах, чем в ответах. Их воззрения на русскую идею, основанные на вере в Бога, христоролюбивый русский народ и будущее России как интегратора соборного человечества, не нашли подтверждения в суровых реалиях отечественной истории в XX веке.

Главная проблема, присущая понятию русской идеи у Ф.М. Достоевского и С.Н. Булгакова (равно, как и учению о ней В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и многих отечественных философов «серебряного века»), на мой взгляд, состоит в следующем. Данные мыслители стремились обосновать русскую идею как христианскую, чаще – как православную, прежде всего – как идею русского православия. Вопрос о том, как одна из ветвей христианства, да еще в том виде, как ее принял русский народ, может стать основанием братской гармонии в многоконфессиональном и полиэтническом мире, ими не рассматривался. Это порождало противоречие между социокультурным универсализмом и религиозно-конфессиональным партикуляризмом русской идеи, которое не разрешалось ни во «всемирном братстве» Достоевского, ни во «вселенской теократии» Соловьева, ни в «общественном христианстве» Булгакова, ни в «царстве Святого Духа» Бердяева. Таким образом, философское понимание истории России подменялось у них историософским осмыслением ее пути, что не могло не сказаться на качестве их исторических прогнозов.

Можно ли тогда представить понимание русской идеи Достоевским и Булгаковым как религиозно-социальную утопию, которая нигде и никогда не может воплотиться в жизнь? Этот вывод кажется обоснованным, но нужно сделать одно замечание. Сравнивая идеальное бытие России, каким оно могло бы стать, если бы реализовались потенции русской идеи, выделяемые теми, кто пишет о ней, с эмпирической историей России, нельзя не заметить многих противоречий между ними. Так, нашей стране далеко не всегда удается осуществление социальной правды в мире, в чем видели ее назначение П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, Н.А. Бердяев и другие. Также можно критически оценивать попытки славянофилов, Ф.М. Достоевского и С.Н. Булгакова видеть миссию России в том, чтобы дать пример соборного мироустройства «Западу», страдающему от рационализма, индивидуализма и атеизма. Наша страна еще не заслужила такой духовный авторитет в международном сообществе, чтобы

выступать «настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [12, с. 534]. Следует признать, что в российской истории пока не произошло полного воплощения ни одной из версий русской идеи, которые наши предки с таким воодушевлением пытались реализовать в то или иное время.

В этом отношении, однако, россияне немногим отличаются от других народов. Например, известно, что, по крайней мере, с XX века «американцы определили себя как защитников свободы и демократии во всем мире... Но, как заметил Роджерс Смит, "утверждение, что национальная идентичность Америки определяется исключительно американским кредо, в лучшем случае представляет собой полуправду". Большую часть своей истории американцы поработали и угнетали чернокожих, уничтожали и третировали индейцев, тиранили иммигрантов из Азии, враждовали с католиками, препятствовали иммиграции из стран за пределами северо-западной Европы» [11, с. 89]. Возможно, что великие идеи, провозглашающие идеалы, которые озаряют путь человечеству, осуществимы только в метаисторической перспективе. Однако при их воплощении в жизнь сделанные попытки должны оцениваться не менее достигнутых результатов.

Каждая цивилизация выбирает свои ценностные приоритеты, которые представители мира ее культуры воспринимают как универсальные ценности. В то же время любая такая общность принимает лишь определенное участие в истории человечества, ограниченное временем и условиями ее развития. Не случайно В.С. Соловьев отмечал, что «ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества» [10, с. 220]. Поэтому, считал этот философ, для реализации своей «идеи», или призвания, «не нужно действовать против других наций, но с ними и для них, – в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная» [10, с. 246]. При таком подходе ни одна цивилизация не вправе требовать от других признания абсолютного значения ее ценностей, в которые она к тому же вкладывает особый смысл, а тем более – навязывать их остальным силой. К чему это приводит, показывает пример Афганистана, история которого за последние 150 лет продемонстрировала тщетность надежд на перестройку этого общества по ценностным стандартам сначала британского империализма, затем советского социализма и, наконец, американского либерализма.

Ждет ли нас наступление глобального мира, или земной шар будет поделен между ведущими цивилизациями, периодически сталкивающимися в борьбе за жизненное пространство, материальные ресурсы и души людей? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, появится ли у мира в будущем единая культурная целостность, подобная той, что лежит в основе цивилизаций. Ни одна из существующих религий, политических философий и моральных доктрин, несмотря на то, что все они претендуют на конечные истины и высшие ценности, не является настолько всеобъемлющей и универсальной, чтобы полностью завладеть умами и сердцами человечества. На сегодня более вероятным представляется обмен знаниями, идеями и ценностями, изучение

истории и культуры друг друга, взаимное дополнение и духовное обогащение. Поэтому реальной альтернативной «столкновению цивилизаций» в XXI веке может стать стремление разных «миров» к созданию «симфонии культур», т.е. к синтезу своих приоритетов и ценностей на некой общечеловеческой основе. И русская идея способна сыграть в этом общем деле важную роль.

Литература:

1. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. – Т. 2. М.: Наука, 1993. – С. 302-342.
2. Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Соч. – Т. 2. М.: Наука, 1993. – С. 435-457.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 416 с.
4. Булгаков С.Н. Нация и человечество // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. – Т. 2. М.: Наука, 1993. – С. 644-653.
5. Булгаков С. Православие: Очерки учения Православ. церкви. – Париж: YMCA-press, 1985. – 403 с.
6. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 18. Л.: Наука, 1978. – С. 35-40.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Январь // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. – Т. 25. Л., 1983. – С. 17-20.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Ноябрь // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 26. Л.: Наука, 1984. – С. 77-87.
9. Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 136-149.
10. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. – Т. 2. М.: Правда, 1989. – С. 219-246.
11. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
12. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего (1837) // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. – Т. 1. М.: Наука, 1991. – С. 523 – 538.